

Глава 13. Пяньчжи старейшина Чжу

Хотя Фу Чжэнтянь никогда раньше не видел этого старика, по почтительному тону отца он сразу понял: гость — человек непростой. Юноша послушно поднялся на второй этаж, достал сине-белый сосуд Юнлэ и вместе с коробкой спустился обратно, протянув её гостю.

При виде коробки старик заметно опешил. Он протянул сухую ладонь и бережно, едва касаясь, провел пальцами по резному дереву.

Чжэнтянь слегка удивился. Коробка-то была совсем новой, работы современного мастера — с чего бы почтенному старцу так на неё смотреть?

Заметив недоумение на лице мальчика, старик негромко рассмеялся:

— Нехорошо получилось, юноша, я ведь даже не представился. Зовут меня Тан Юньяо. Если не побрезгуешь обществом дряхлого старика, зови просто дедушкой Таном. А насчет твоей вещицы... Мне и разглядывать её не надо, чтобы подтвердить подлинность. Я эту коробку за версту узнаю.

Чжэнтянь невольно затаил дыхание.

Повод для изумления у него был двойной.

Во-первых, перед ним стоял сам Тан Юньяо — новоизбранный глава Археологической ассоциации Северо-Запада и один из столпов Исторического общества страны! Чжэнтянь, конечно, знал, что у его отца обширные связи, но встретить у себя в гостинной величину такого масштаба никак не ожидал.

Во-вторых, судя по словам старейшины Тана, загадочный лавочник, продавший им сосуд, тоже был птицей высокого полета.

Справившись с эмоциями, Чжэнтянь спокойно изложил суть дела:

— Позавчера мы ходили на Южный городской рынок цветов и птиц. Сяо Мянй приметил одну очень странную лавку, и мы решили зайти. Хозяин сам достал этот сосуд и показал моему приятелю. Тот с ходу определил и возраст вещи, и её происхождение. Тогда я её и выкупил.

Мальчик говорил коротко и емко, не упуская ни одной важной детали.

Примостившийся рядом Сяо Мянй слушал брата, смутно чувствуя подвох, но, так и не сообразив, в чем дело, поспешил вставить свои пять копеек:

— Да-да, Сяо Лан у нас просто голова! Он даже с ходу понял, какими красками расписан сосуд!

И он вздохнул, сияя от гордости за друга, пересказал всё, что Нин Сянлан наговорил в лавке.

Тан Юньяо слушал внимательно, мысленно оценивая ребят. Точнее, всех троих.

О характере Фу Чжэнтяня он был наслышан давно. Будучи единственным сыном Фу Линя, мальчик с малых лет поражал окружающих недетской серьезностью и выдающимися способностями. Сяо Мян же, напротив, рос самым обычным ребенком — непосредственным, эмоциональным, у которого всё на лице написано.

Но больше всего старейшину Тана заинтересовал этот загадочный Нин Сянлан. Из скупого рассказа Чжэнтяня могло показаться, что речь идет о взрослом или хотя бы подростке, но из восторженной тирады Сяо Мян следовало, что парню едва исполнилось пять или шесть лет!

Малыш, обладающий такими глубокими познаниями в фарфоре... Неужели кто-то из старых мастеров умудрился вырастить себе преемника в такой глуши?

Отметив этот момент про себя, Тан Юньяо тепло улыбнулся и потрепал Сяо Мян по плечу:

— Ну и ну, молодцы ребята. На антикварном рынке жулик на жулике сидит, новички там годами «за обучение» платят, скупая всякий хлам, а вам с первой попытки попался настоящий шедевр.

Чжэнтянь, не склонный к бахвальству, вежливо склонил голову:

— И всё же, дедушка Тан, взгляните сами. Нам очень важно ваше мнение.

— Что ж, давай посмотрим, — согласился старец.

Он бережно приподнял сосуд, перевернул его кверху дном и указал пальцем на основание:

— Гляди: донышко абсолютно чистое, ни единого клейма или иероглифа. Обыватель сразу бы засомневался, заподозрил неладное. На самом же деле во времена Юнлэ на вещах, выходивших из столичных казенных печей, клейма не ставились вовсе. Посуда делалась для императорского двора — к чему государю лишние пометки на собственной утвари? А вот если тебе предложат чашу с размашистой надписью «Для двора» или «Казенное», тут-то и держи ухо востро. Почти наверняка это грубая фальшивка для простаков.

Чжэнтянь понимающе кивнул. Он вспомнил, как Нин Сянлан в лавке первым делом осмотрел именно донце сосуда, и лишь потом перешел к росписи и глазури. Похоже, это и был почерк настоящего знатока.

— Вещь подлинная, ранний Мин, — вынес вердикт Тан Юньяо. — Считаю, взял за бесценок.

— Вы знакомы с хозяином лавки? — уцепился за ниточку Чжэнтянь.

— Знаком, еще как знаком, — вздохнул старик. — Собственно, ради него я и приехал в Сичжоу. И уж точно не думал встретить его след прямо здесь, у вас в доме. — Он легонько постучал по деревянному футляру. — Руку этого мастера я узнаю из тысячи. Его фамилия Чжу, он величайший реставратор нашего времени. Даже мне перед его опытом и талантом остается лишь почтительно склонить голову.

— Чжу? — нахмурился Чжэнтянь. — Неужели тот самый клан Чжу из столицы?

О столичных Чжу ходили легенды. Это была старейшая династия антикваров, где дети, казалось, с пеленок учились отличать настоящую патину от поддельной. Археология, экспертиза, реставрация древних свитков и бронзы — в любой из этих областей фамилия Чжу весила чрезвычайно много. Даже если в каком-то поколении не рождалось безусловного гения, его представители всё равно прочно оккупировали верхушку профессионального сообщества.

— Он самый, — подтвердил старейшина Тан. — С одной оговоркой: семейную школу старик Чжу так и не перенял. Он родился с уродством — лишним пальцем возле мизинца на правой руке. Мальчишка был седьмым по счету, из-за дефекта родня прозвала его Пяньчжи Ци и никогда не принимала всерьез. В конце концов парень просто сбежал из дома и ушел в ученики к чужому мастеру, выбрав именно то ремесло, которое семья считала для него непосильным — тончайшую реставрацию. Природа наградила его невероятным даром, и очень скоро он затмил своих спесивых родственников. Ну а потом... Эх, долгая история. Случилась беда, старик Чжу разочаровался в людях и скрылся от мира. — Тан Юньяо тяжело вздохнул. — Сейчас нам предстоит работа над уникальной партией древних находок, и возглавить реставраторов должен именно он. Другим я это сокровище просто не доверю.

Чжэнтянь молча переваривал услышанное.

Даже тех крох, что обронил дедушка Тан, ему хватило, чтобы восстановить картину прошлого. Клан Чжу славился своим деспотичным нравом. То, что неприкаянный калека обошел признанных мастеров династии, да еще и пользовался чужими методами, они наверняка сочли несмыслаемым позором для семьи.

И нетрудно догадаться, какие палки в колеса они ему вставляли.

— Если нужно, я могу завтра же проводить вас в его лавку, дедушка Тан, — вызвался Чжэнтянь.

Старик, однако, качнул головой:

— Торопиться не стоит. Нужно сперва всё как следует подготовить. Отправимся завтра. Упрямство старика Чжу не сломить с наскока, тут нужен верный подход.

— В таком случае завтра утром я пришлю за вами водителя Ли, — ответил Чжэнтянь.

— Вот и славно.

Сяо Мянью так и заерзал на стуле от нетерпения:

— Чжэнтянь, а Сяо Лана мы с собой позовем?

— А я разве говорил, что беру тебя? — холодно осведомился Чжэнтянь.

Сяо Мянью мгновенно сдулся и умоляюще уставился на дядю Фу.

Фу Линь благодушно рассмеялся, заступаясь за племянника:

— Ну полно тебе, Чжэнтянь, не вредничай. Раз уж Сяо Мянью так хочет, пусть едет с вами.

Против слова отца Чжэнтянь спорить не стал и молча кивнул, а Сяо Мянью едва не запрыгал от восторга.

Ближе к вечеру семейство Нин в полном составе отправилось в гости к Су Вэньфэну.

Супруга хозяина радушно распахнула перед ними двери, а следом в прихожую вышел и сам Су Вэньфэн, приглашая Нин Аньго пройти в гостиную.

Ху Линцуй сразу прошла на кухню, чтобы помочь хозяйке с накрыванием на стол, и женщины быстро зацепились языками, обсуждая кулинарные секреты. Нин Сянлан тем временем устроился на диване рядом с Толстяком Су. Стоило матери позвать сына на подмогу, как Сяо Шэн с неописуемо важным видом принимался таскать из кухни тарелки. Каждое блюдо он водружал на стол так, словно совершал подвиг, не забывая бросать на Сянлана победные взгляды: мол, гляди, какая у меня матушка мастерица!

Сянлан лишь снисливо улыбался. Когда все уселись за еду, он не скупился на похвалу стряпне, отчего Толстяк Су так и сиял от гордости. За столом царило редкое единодушие.

Покончив с ужином, женщины принялись прибирать на кухне, а мужчины обосновались в гостиной за неспешной беседой.

Нин Аньго увлеченно рассказывал о результатах своей поездки в столицу и, главное, о получении заветной лицензии на производство отечественных персональных компьютеров.

Су Вэньфэн слушал затаив дыхание:

— Я слышал, в следующем году Ассоциация планирует подать прошение об ужесточении «зеленого барьера». Если всё выгорит, мы поймем отличный попутный ветер!

Под «зеленым барьером» понимались жесткие протекционистские меры: государство искусственно ограничивало ввоз импортной электроники за счет драконовских пошлин и завышенных стандартов качества, давая местным производителям шанс окрепнуть. До сих пор весь отечественный рынок компьютеров держался исключительно на импорте — просто потому, что свои технологии находились в зачаточном состоянии. Однако теперь инженерам ассоциации удалось совершить прорыв. Новые отечественные образцы, пусть и уступали новейшим мировым разработкам, вполне могли конкурировать со средним сегментом зарубежной техники. А раз свои заводы научились делать качественный продукт, закрытие границ для чужаков было лишь вопросом времени.

Отец Су Вэньфэна входил в число руководителей Ассоциации производственной промышленности Сичжоу, так что неудивительно, что сын был в курсе всех кулуарных раскладов.

Нин Аньго довольно прищурился:

— Всё верно. Для нашего Первого завода это золотой шанс. Сумеем встроить производство в эту волну — и завод мигом выйдет на общегосударственный уровень.

Су Вэньфэн замялся на секунду, а затем прямо взглянул на собеседника:

— Знаешь, Аньго... Раньше я тебя терпеть не мог. Вечно мы с тобой цапались. Но сейчас я вижу, что делаем-то мы общее дело. Давай забудем старые обиды. Нам нужно работать сообща.

Мужская дружба рождается мгновенно. Одно открытое взгляда хватило, чтобы Нин Аньго оценил искренность бывшего соперника.

Он с улыбкой поднял свою рюмку:

— За сотрудничество!

Су Вэньфэн весело звякнул своим бокалом в ответ и осушил его до дна:

— За сотрудничество!

Глядя на отца, Нин Сянлан понял, что и ему самому нельзя сидеть сложа руки.

В его прошлой жизни такого примирения не было и в помине. И пускай сейчас они просто раньше срока зарыли топор войны, этот маленький сдвиг мог полностью переписать сценарий будущего. Он строил совершенно иную судьбу. И эта судьба обязана была стать счастливой!

Перед глазами почему-то снова встала та пыльная антикварная лавка на Рынке цветов и птиц.

Чутье подсказывало Сянлану, что старик, так спокойно отдавший бесценный сине-белый сосуд Юнлэ, скрывает немало тайн. Раз уж небеса подарили ему второй шанс, глупо было бы упустить такую крупную рыбу.

Мальчик лукаво прищурился и зашептал на ухо Толстяку Су:

— Сяо Шэн, а хочешь посмотреть, как живет ночной рынок цветов и птиц?

Глаза Толстяка загорелись азартным огоньком:

— Вдвоем? Втихаря?

— Именно так.

— Тогда чего мы ждем? Погнали!

Уговаривать Сяо Шэна долго не пришлось. Мальчишки тихо выскользнули за порог и со всех ног припустили в сторону Рынка цветов и птиц.

Ночной рынок встречал гостей буйством красок и шумом толпы — после захода солнца здесь было куда оживленнее, чем днем. Окрестные улочки тонули в мягком оранжевом мареве уличных фонарей и керосиновых ламп. И дело было не только в том, что к вечеру у горожан появлялось свободное время. Существовала и более прозаическая причина: полумрак и игра теней — лучшие друзья антикварных мошенников. Умелый продавец при тусклом свете легко выдавал дешевый новодел за столетнюю реликвию, и обмануть доверчивого покупателя под покровом ночи становилось в разы проще.

Сянлан уверенно вел Толстяка Су сквозь лабиринт лотков и прилавков. Время от времени он притормаживал возле крикливых зазывал, увлеченно слушавших сказки о «семейных реликвиях». Кое-какие байки заставляли мальчика тихо прыскать в кулак, и он шепотом объяснял другу всю подноготную здешних трюков.

Конечно, мешать чужому бизнесу не стоило, но порой глупость обманщиков переходила все границы.

Вот очередной делец, брызжа слюной, расписывал, как его прадед лично доставал со дна морского редчайший фарфор. Сянлан наклонился к Сяо Шэну:

— Сказка знатная, только вот черепушка эта к морскому дну и близко не приближалась.

Толстяк Су, парень неглупый, всю дорогу ловил каждое слово друга. Услышав это, он тут же загорелся любопытством:

— С чего ты взял?

Мальчишки-то развлекались вовсю, а вот у торговца уши были чуткие. Он побагровел и злобно зыркнул на мелких наглецов:

— Эй, шпана! Чего вы там лопочете? А ну брысь отсюда, пока уши не оборвал!

<http://bllate.org/book/20435/2135041>